

реевским, №№ 29, 119, 236, 277, 559, 737)<sup>1</sup> и, разумеется, после того, как из нее выделилась частушка, песня не прекратила своего существования, а дождалась вплоть до нашего времени.

Судьба песен необычайно сложна. С. Г. Лазутин — один из знатоков народной песни — сам говорит о многообразии путей ее трансформации. Выяснение всех этих путей было бы крайне важно для фольклористики.

П. Ухов

<sup>1</sup> «Песни, собранные П. В. Киреевским», новая серия, вып. 1, М., 1911.

Г. А. Меновщикова. *Эскимосы. Научно-популярный историко-этнографический очерк об азиатских эскимосах*. Магадан, 1959, 145 стр.

Небольшая книжка Г. А. Меновщикова об азиатских эскимосах встречена с большим интересом не только широкими кругами читателей, но и специалистами. И это не случайно. Ее автор, известный советский лингвист, много лет жил на Чукотке, и его работа — по существу первая в нашей литературе монография об этой народности, внесшей большой вклад в географическое исследование Севера.

Книга состоит из введения и тринадцати глав, рисующих прошлое и настоящее азиатских эскимосов: их происхождение, хозяйство, материальную культуру, социальные отношения, религиозные представления, празднества и обряды, искусство и, наконец, их современную жизнь. Конечно, отдельные темы освещаются с неодинаковой полнотой, что, по-видимому, отчасти объясняется недостатком материалов по тем или иным вопросам; однако в некоторых случаях это ведет к диспропорциям в характеристике эскимосской культуры, сразу бросающимся в глаза. Так, автор тщательно описывает типы жилищ азиатских эскимосов и их эволюцию. Посвященный этому вопросу раздел книги, как и некоторые другие его главы, — не просто научно-популярное изложение, а интересное исследование, имеющее самостоятельное значение. Напротив, такая важная тема, как общественный строй эскимосов, объединена в одну главу с «основными занятиями» (тогда как спортивные игры и физическое воспитание выделяются в отдельную главу). В результате для читателя остается неясным, каким был общественный строй эскимосов в прошлом. Автор сводит проблему общественного строя эскимосов к более частному вопросу о формах кооперации труда при морской охоте и о нормах раздела добычи, указывая, что у эскимосов была байдарная артель, часто укомплектовывавшаяся членами одной семейной общины (стр. 23). Вопрос о том, была ли у азиатских эскимосов в прошлом родовая организация, сохранились ли ее пережитки к концу XIX в. и какими отношениями были связаны между собой односельчане, не входившие в одну семейную общину, автором даже не ставится.

Между тем материалы об американских эскимосах показывают, что у эскимосов западного побережья Аляски и прилежащих островов св. Лаврентия, Нунивака, Кадьяка еще несколько десятилетий назад сохранялись многие черты отцовско-родовой организации, а в целом их стойбища в этот период могут быть определены как соседские общины.

Трудно согласиться с высказыванием Г. А. Меновщикова о том, что «первичной общественной ячейкой азиатских эскимосов с давних пор (разрядка моя. — Л. Ф.) была отдельная семья, состоящая из мужа, жены и их детей» (стр. 79). В период существования у эскимосов рода, — а судя по сохраняющимся у них пережиткам, это было не так давно, — отдельная семья не могла быть общественной ячейкой хотя бы потому, что муж и жена принадлежали к различным родам со всеми вытекающими отсюда последствиями.

Говоря о запрете браков между братьями и сестрами, автор не указывает, о каких кузенах идет речь — параллельных или перекрестных, или же различие между ними уже утратилось; а ведь это имеет существенное значение для характеристики семейно-брачных отношений (стр. 80).

Вызывает некоторые возражения и введение к книге, а именно, те его места, где говорится о происхождении эскимосов. Нам кажется, что автор переоценивает влияние южных элементов в культуре эскимосов, некритически излагая взгляды С. И. Руденко на эскимосов как пришельцев из островного мира Юго-Восточной Азии (стр. 8). В настоящее время почти все советские и зарубежные исследователи считают, что эскимосы сформировались как народность со своей своеобразной культурой на берегах Берингова пролива. Несколько устаревшими представляются и характеристики эскимосских культур и их хронологической последовательности, также приводимые по книге С. И. Руденко.

Неточно отождествление автором палеозскимосской культуры с культурой Дорсет (стр. 7): под именем палеозскимосской объединяется сейчас несколько культур, а не только Дорсет.

Все остальные главы книги: о пище, одежде, народных знаниях, религиозных представлениях и т. д.— написаны очень подробно, с использованием полевых материалов автора, и, на наш взгляд, весьма удачны. Можно отметить лишь мелкие неточности, легко устранимые при переиздании книги. Так, эскимосов не 40 тыс., а свыше 50 тыс. чел. (стр. 3); каяк у аляскинских и гренландских эскимосов не «остается основным и наиболее распространенным средством передвижения и охоты на море» (стр. 53), а, напротив, быстро выходит, а местами уже вышел из употребления, будучи заменен покупными лодками фабричного производства; запряжку собак цугом применяли не только у азиатских эскимосов, но и у эскимосов Аляски (стр. 57). Надо сказать об этом, чтобы не создалось впечатление, что эскимосы Аляски запрягают собак так же, как в Гренландии и Канаде, т. е. веерообразно.

Рецензируемая книга заканчивается живо написанной и содержащей большой фактический материал главой о современной жизни эскимосов.

В целом, несмотря на некоторые частные недостатки, книга Г. А. Меновщикова заслуживает высокой оценки как интересный труд об одной из наименее изученных народностей Советского Севера.

Л. Файнберг

### Ш. Инал-ипа. *Абхазы. Историко-этнографические очерки.* Сухуми, 1960, 447 стр.

Одним из важных результатов подготовки советскими этнографами многотомного издания «Народы мира» явилась дальнейшая активизация научной работы в союзных и автономных республиках, в частности появление здесь первых публикаций, посвященных монографическому описанию культуры и быта отдельных народов СССР. Начало такого рода публикациям положено выходом в свет книги Ш. Д. Инал-ипа «Абхазы», родившейся, как отмечает автор, в процессе работы над статьей «Абхазы» для Кавказского тома серии «Народы мира». Вместе с тем рецензируемая книга как бы обобщает и подытоживает значительное количество ранее опубликованных исследований Ш. Д. Инал-ипа по вопросам общественного строя, семейно-брачных отношений и духовной культуры абхазского народа. Ценность этой книги тем более велика, что в основу ее положены оригинальные полевые материалы, на протяжении многих лет собиравшиеся автором в различных районах Абхазской АССР, а также неопубликованные музейные коллекции и архивные данные. Очень широко использованы автором и литературные источники, в том числе уже довольно значительный ряд работ советских абхазских этнографов — И. А. Аджинджала, Л. Х. Акаба, Ц. Н. Бжання и других.

Работа обильно иллюстрирована; в приложении дана обширная, хотя и далеко не исчерпывающая, библиография исторической, этнографической и лингвистической литературы по абхазам.

Оставляя в стороне открывающие книгу географический и исторический очерки, перейдем к ее основному, занимающему более трех четвертей ее объема этнографическому разделу. Этот раздел распадается на 18 отдельных очерков, из которых первые 17 посвящены дореволюционной культуре и быту абхазов, последний — культурно-бытовым преобразованиям, произошедшим в стране в советское время.

Говоря о культурном прошлом абхазов, Ш. Д. Инал-ипа последовательно характеризует их хозяйственный быт, общественный строй, брачно-семейные отношения, основные черты духовной культуры. Все эти культурно-бытовые явления автор стремится рассматривать в их историческом развитии и, хотя эта сложная задача не всегда оказывается выполнимой, в ряде случаев достигает цели, привлекая и сопоставляя археологические данные, древние и средневековые письменные источники, литературные и полевые материалы. Так, в частности, в рецензируемой книге хорошо прослеживается историческая преемственность различных видов хозяйственной деятельности, типов жилища и других элементов материальной культуры. Другой положительной чертой книги является стремление автора проследить исконные связи абхазов с их соседями — адыгами на севере и грузинами на юге, для чего он постоянно обращается к культурным и языковым параллелям, свидетельствующим как о генетической общности, так и о многовековых культурных взаимодействиях народов Западного Кавказа. В качестве еще одного общего достоинства рецензируемой работы следует отметить довольно четкий показ классовой дифференцированности культуры и быта абхазов в дооктябрьский период и прежде всего — резительных социальных различий в жилище, одежде, пище.